Зиновьев Александр Александрович

16.12.92

229

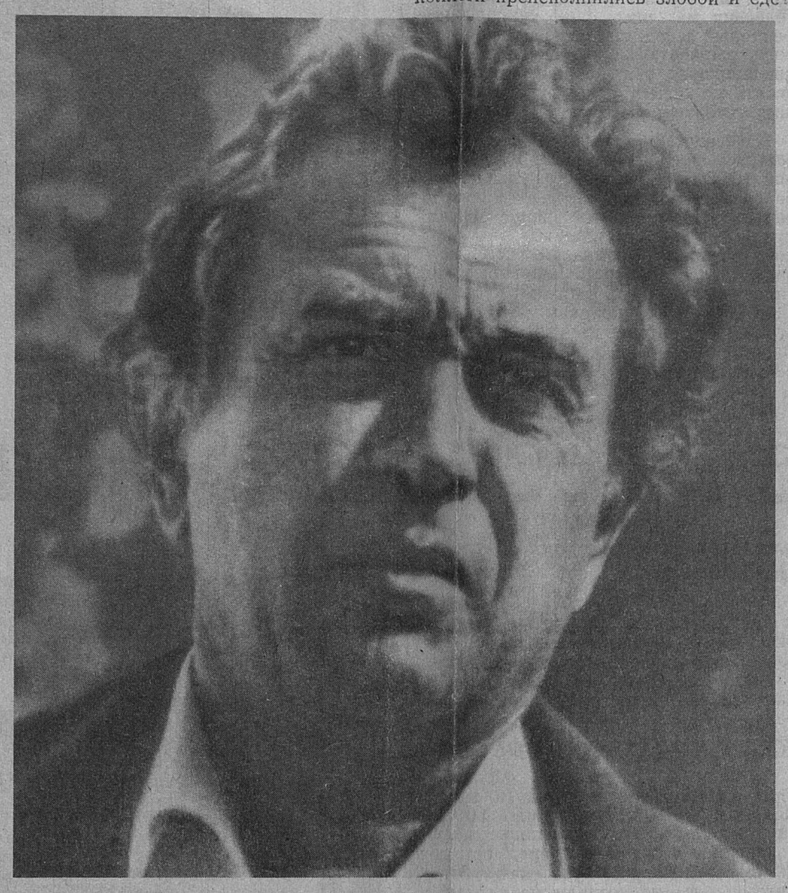
Александр ЗИНОВЬЕВ:

Моя жизнь как эксперимент

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда о Зиновьеве пишут только как о литераторе, это, мягко говоря, вызывает недоумение: Александр Александрович прежде всего ученый, философ, интересно и плодотворно работающий в области логики. Да, не самая доступная для широкого читателя область. Но это факт чрезвычайно важный и для самого А. А. Зиновьева. Однажды обстоятельства сложились так, что выразительных средств науки оказалось явно недостаточно. И мир обрел писателя Зиновьева. Совсем недавно легально обрели его и мы: московские издательства и журналы опубликовали книги «Пара беллум», «Гомо советикус», «Зияющие высоты». Им написано более двух десятков книг. Кроме названных, очень популярны «Государственный жених», пьеса «Рука Кремля» и другие.

«Деятели застоя» выдворили А. А. Зиновьева из отечества, живет он сейчас в Мюнхене. По-прежнему занят активной научной и преподавательской работой. Его сочинения вызывают страстные споры, что, по-моему, неплохо и иначе быть не может: они все написаны откровенно и страстно. Но предлагаемая вам беседа преследует все-таки научные, исследовательские цели и может быть интересна тем, кто уже проиграл свои сражения, и тем, кто о них еще не догадывается. Приличным людям их, этих сражений, все равно не миновать.



— Александр Александрович, в вашей исключительной судьбе так много событий, что всегда хочется спросить: а какое же главное?

— Главное в моей жизни то, что она была экспериментом. Причем экспериментом не в метафорическом, а в научном смысле слова, то есть сознательным, целенаправленным, планомерным, волевым и с объективной оценкой результатов. Я думаю, что это был эксперимент уникальный. За всю свою жизнь я не встретил ни одного человека, который делал бы с собой нечто подобное или хотя бы говорил о возможности этого. Я прочитал огромное число всякого рода текстов, но ни в одном из них не встретил даже намека на нечто подобное. Многие авторы писали о самовоспитании. Но мой эксперимент лишь внешне похож на самовоспитание. Цель и результат самовоспитания — выработка в себе каких-то желаемых качеств. Цель моего эксперимента — выяснить, возможен ли и жизнеспособен ли человек задуманного мною типа, с задуманными мною качествами. Результат эксперимента — опытный образец и выводы. Я делал мой эксперимент в полном одиночестве. Никто из тех, с кем мне приходилось встречаться, не знал о нем. Даже мои близкие друзья, которые понимали меня лучше других, думали, что мое поведение было проявлением прирожденных качеств и следствием моего происхождения из глубин России. На самом деле оно было результатом волевых усилий на искусственном интеллектуальном уровне, причем не в соответствии с некоей первобытной натурой русского человека, а вопреки ей. Если бы я лишь раскрыл в себе свойства этой натуры, я пополнил бы ряды тех интеллектуальных кретинов, моральных подонков и политических неголяев, которые сейчас завладели Россией.

— Как возникла идея эксперимента над самим собой?

— Разумеется, это произошло не случайно и не сразу. Меня на него вынудили сами условия жизни тех лет, а также обстоятельства моей личной жизни и личные особенности. Вся моя жизнь оказалась неразрывно связанной с советским, то есть с коммунистическим или социалистическим социальным строем. Я не просто реагировал на него и испытывал его влияние. Я его буквально впитывал в себя. Я стал одержимым его проблемами как в плане моих личных взаимоотношений с ним, так и в плане его познания. У меня с детства стало складываться двойственное отношение к нему. С одной стороны, я рано начал замечать его недостатки и испытывать их действие на самом себе. С другой стороны, я был захвачен той системой ценностей, которую нам стремились прививать. Она стимулировала во мне развитие качеств, к которым я был склонен от природы. Я стал идеальным коммунистом. Ко времени окончания школы в 1939 году во мне назрел конфликт между этими двумя сторонами моего отношения к советскому обществу. Идеальный коммунист взбунтовался против реальности советского общества, против реального коммунизма. Этот бунт и послужил отправным пунктом к моему эксперименту.

— Разрешился ли конфликт, о котором вы говорили, и чем закончился ваш бунт?

— Я не буду сейчас говорить о конкретных событиях моей жизни тех лет. Скажу лишь о том, что непосредственно относится к моему эксперименту. Первоначальное мое отношение к советскому общественному строю было главным образом эмоциональным. Оно было ориентировано на личность Сталина, который стал тогда для меня олицетворением всех зол. Но в годы войны и послевоенные годы оно постепенно сменилось отношением обобщенным и рациональным. Я его тогда для себя сформулировал примерно так. Коммунистические идеалы были самыми светлыми и прекрасными в истории человечества. Но, как говорится, дорога в ад вымощена благими намерениями. Воплощение коммунистических идеалов в жизнь породило не земной рай, как обещали коммунисты, а нечто такое, что скорее напоминало ад. Но я не вижу и не представляю себе никакого другого общественного устройства, которое для меня было бы лучшим, чем советское. Потому я не хочу и не буду бороться против него. Не хочу даже реформировать его. Я его принимаю как данное мне от рождения явление природы. Моя проблема — каким должен быть я сам, чтобы сохранить личное достоинство и внутреннюю свободу в рамках этого общества. Идеального общества вообще никогда не было, нет и не будет. Зато я могу сам из самого себя создать идеальное государство из одного человека. Именно в коммунистическом обществе и ни в каком другом это возможно для человека, начинающего свой жизненный путь с самых низов социальной иерархии. Если у тебя есть способности и если ты будешь добросовестным в своей профессии, ты можешь со временем занять приличное положение в обществе. Большую карьеру не сделаешь. Но ведь тебе это и не нужно. Ты готов довольствоваться весьма скромным уровнем. Именно в коммунистическом обществе и ни в каком другом ты сможешь выработать такую систему принципов поведения, следуя которым ты будешь жить с сознанием идеального человека, как ты это себе представляешь, и пользоваться уважением окружающих. Что касается твоего стремления понять сущность коммунистического общества, то ты можешь вполне удовлетворить свое интеллектуальное любопытство, занимаясь изучением этого общества в свободное от профессиональной работы время в качестве хобби. Поскольку ты будешь это делать лишь для себя самого, а не для публикации (об этом и думать нечего), ты будешь совершенно свободен от всяких идеологических ограничений. Вот так я думал тогда. И в конце концов я нашел четкую формулу для своей будущей жизни.

— Можно ли человеческую жизнь выразить формулой?

— Жизнь обычных, нормальных людей формулой не выразишь. Но ведь я делал из себя человека особого, искусственного, уклоняющегося от нормы. Еще в 1939 году я в компании друзей, написавших на меня донос в органы государственной безопасности, высказался против культа Сталина и заявил, что я сам себе Сталин. К началу 50-х годов (к моменту окончания университета) я свою жизненную позицию определил формулой: «Я есть суверенное государство». Тогда же я построил проект своего государства из одного человека. Вот некоторые его черты. Я буду строить свое личное государство не изолированно от общества, а в нем, причем — в самой активной его части и на уровне высших достижений мировой культуры. Оно должно стать идеальным как с точки зрения его внутреннего состояния, так и с точки зрения его внешних проявлений. Внутреннее состояние — это мое интеллектуальное государство, а внешнее поведение — это мое поведение в окружающей среде. Мое интеллектуальное государство должно охватить все основные проблемы, касающиеся человека, мышления, познания, общей картины мира, человеческого общества, коммунизма и так далее, и дать этим проблемам более совершенное понимание, чем это уже было сделано другими. Причем я это буду делать лишь для своего личного употребления, а не для славы, не для карьеры, не для денег. Моя система правил жития должна охватить все аспекты поведения человека, причем не столько теоретически, сколько практически, то есть я им буду следовать, чего бы это мне ни стоило. Я тогда еще не осознавал, что уже начал делать эксперимент над собой. Прошло еще несколько лет, прежде чем я это отчетливо осознал. Эксперименты на себе уже проделывались в истории психологии и медицины. Я же ставил эксперимент на себе в сфере социологии, причем — эксперимент протяженностью в целую жизнь.

— Как же вы создавали задуманного человека — государство?

— Моя деятельность шла по многим линиям. Профессионально я работал в области логики и методологии науки. Не буду останавливаться на этом аспекте моей жизни. Скажу лишь то, что в этой сфере я сделал неизмеримо больше, чем в литературе и социологии. Мои бывшие коллеги, друзья и ученики объявили мои логические исследования не имеющими научного значения. Думаю, что они знали настоящую цену им. Потому они и поспешили совершить это преступление. Сколько лет длится в России так называемая демократия! Сколько слов сказано о необходимости должного отношения к русской культуре! А к тому, что действительно является вкладом в эту культуру и могло бы стать ее гордостью, никакого внимания. Это поразительный пример к тем выводам, которые сделал из своего жизненного эксперимента. Хотя логика отнимала у меня почти все силы и время, я все же как-то ухитрялся удовлетворять и свою юношескую страсть — страсть к познанию общества, в котором я жил. Я разработал свою собственную общую социологию и теорию общества коммунистического. Мои социологические идеи образовали впоследствии основное содержание моих литературных сочинений, социологических эссе и публицистических статей. Я разрабатывал свою общую социологию, противопоставляя ее историческому материализму марксизма, а теорию коммунистического общества — противопоставляя ее марксистскому «научному коммунизму», в котором я не находил ни одного слова научности. Я не ограничивался общими идеями, которые впоследствии вошли в мои книги. Я считал это лишь предпосылкой настоящей теории, отдельные фрагменты настоящей теории я разрабатывал не спеша и между делом. Тут мне пригодилось все то, что я делал как профессионал в области логики и методологии науки. Печатать я это, повторяю, не собирался, поскольку был уверен в том, что никто такое печатать не будет. Не забывайте о том, когда это было! Если уж в так называемой демократической России мои книги о коммунистическом обществе не печатают и бойкотируют, то можно ли было рассчитывать на публикацию моих идей в хрущевские и брежневские годы, когда нынешние так называемые борцы против коммунизма клялись в верности марксизму, лизали зад Брежневу и преследовали всякую серьезную критику советского общества. Работа в области логики, философии и социологии составила основу работы по созданию интеллектуального аспекта моего личного государства. То, что я его создавал как защиту от официальной советской идеологии, это, я думаю, очевидно. Напомню, что это происходило в годы, когда советское общество и его идеология казались незыблемыми.

— Выше вы говорили о системе правил поведения, которые, надо думать, образовали внешний аспект вашего индивидуального государства. Каковы эти правила?

— Я назвал эти правила правилами жития. Впоследствии описание их составило значительную часть содержания моих книг. Я их приписывал моим литературным персонажам, в частности — Ивану Лаптеву, главному герою книги «Иди на Голгофу», которая была опубликована на Западе в 1985 году. Вот несколько примеров. Сохраняй личное достоинство и независимость поведения, не унижайся, не подхалимничай, чего бы это ни стоило. Не возвеличивай ничтожество. С карьеристами, интриганами, доносчиками, клеветниками, трусами и прочими плохими людьми не будь близок. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай. Обещай, если уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой. Не обманывай. Не хитри. Не злорадствуй. Не насилуй других. Не позволяй другим насиловать тебя. Не присоединяйся к коллективным акциям. Не поддавайся настроениям толпы. Действуй в одиночку. Не участвуй во власти. Игнорируй идеологию. Уклоняйся от карьеры. Добивайся всего индивидуальным трудом. Не стремись к материальному благополучию. Довольствуйся минимумом. Лучше не иметь, чем терять. Вот в таком духе я разработал для себя целый кодекс поведения вплоть до мельчайших деталей и следовал ему всю жизнь. Это было необходимым условием сопротивления всеобщей тенденции советского общества к такому состоянию, которое в 80-е годы стало одной из причин его кризиса. Если вы вдумаетесь в эти правила, вы заметите, что каждое из них было антитезой тому, что стало господствовать в реальности.

— Насколько успешен был ваш эксперимент?

— Мой эксперимент, как мне казалось, шел успешно. Я ни на шаг не отступил от моих принципов жития. И тем не менее я занял в советском обществе положение, которое меня вполне устраивало. Я был оставлен в аспирантуре. Написал диссертацию какую хотел. Стал кандидатом и доктором наук. Стал профессором. Опубликовал множество статей и книг. Они были переведены на западные языки и принесли мне международную известность. Помимо Академии наук, я работал в Московском университете. Одно время заведовал кафедрой логики. Имел десятки студентов и аспирантов. Был членом редколлегии журнала «Вопросы философии», где заведовал отделом логики. Я был абсолютно свободен в своей творческой деятельности и сам определял направления работы моих учеников. Все это случилось не благодаря каким-то карьеристическим ухищрениям, а благодаря тем переменам, которые произошли в стране в послесталинские годы, в частности благодаря установке высших властей поощрять молодых и способных людей. Без этих перемен мой эксперимент был бы невозможен. Он оборвался бы в самой начальной стадии. Вместе с тем поощрение молодых и способных, о котором я упомянул, было весьма ограниченным. И это постоянно ощущалось. Например, я получил десятки приглашений на международные профессиональные встречи, но меня ни разу не выпустили. Меня не выпустили даже на симпозиум в Финляндию, хотя я был первым среди философов членом финской Академии наук. Лишь в возрасте 45 лет я получил впервые в жизни маленькую квартирку. Меня провалили на выборах в Академию наук и в конкурсе на Государственную премию. Но я не придавал всему этому особого значения. Я был вполне доволен тем, что имел. Так бы я и прожил дальнейшую жизнь, будучи погружен в логические исследования, возясь со своими студентами и аспирантами, довольствуясь той репутацией, какую я имел как логик и как человек, и совершенствуя интеллектуальное содержание своего индивидуального государства. Но жизнь преподнесла мне урок, на который я не рассчитывал. А урок этот заключался в следующем. В моем учении о житии не был учтен один фактор, а именно — возможность достижения серьезных результатов в своем профессиональном деле. Когда мои работы стали издаваться на западных языках и у меня стала складываться своя логическая школа, мои коллеги преисполнились злобой и сделали все, чтобы дискредитировать меня и разгромить мою группу. И они преуспели в этом, заручившись поддержкой соответствующего отдела ЦК КПСС. Я потерял студентов и аспирантов. Группа моя распалась. Мне стали чинить препятствия в публикации моих работ. К этому времени у меня наметился также разрыв со средой тех самых «молодых и талантливых» людей, которые успешно делали карьеру, изображая из себя мужественных борцов с режимом, но, по сути дела, холуйствуя перед брежневскими властями не хуже, чем их предшественники перед властями сталинскими. Это произошло не в силу каких-то политических причин — я не был диссидентом и всячески уклонялся от какой бы то ни было политической активности. Меня исторгнула из себя моя среда. Окружающие меня люди наконец-то заметили, что я был чужеродным явлением в этом обществе, самим фактом своего бытия нес какую-то опасность для них. Эти люди были не какие-то уцелевшие сталинисты, а новое поколение советских интеллектуалов, делавших карьеру в качестве брежневских холуев. В горбачевские годы они добрались до высот власти и вылезли на видимую арену советской истории. Я оказался в полной изоляции. У меня впервые за много лет образовалось свободное время. Я как-то незаметно втянулся в литературу — начал писать «Зияющие высоты», которые в 1976 году были опубликованы на Западе. Мне было тогда 54 года.

— Что вы не случайно стали социологом, ясно из того, что вы сказали. А ваше превращение в писателя?

— Литературным творчеством я начал заниматься еще в детстве и занимался всю жизнь. Только я не знал, что это было творчество, да к тому же литературное. И никто, буквально никто из всех тех, кто был знаком с этим аспектом моей жизни, никогда не сказал мне об этом и не посоветовал стать писателем. Наоборот, я всегда ощущал в моем окружении боязнь того, что я вдруг всерьез займусь литературной деятельностью и добьюсь какого-то успеха. Я импровизировал в разговорах шутки, сочинял подписи к карикатурам в стенных газетах, сочинял фельетоны, короткие рассказы, стихи. Многое в моих книгах, которые я стал печатать на Западе начиная с 1976 года, было припоминанием того, что я сочинял в прошлом. В 1946 году я демобилизовался из армии и приехал в Москву с чемоданом, набитым рукописями, а не трофейными вещами, как другие офицеры. Я тогда решил попробовать напечатать повесть, которую написал незадолго до демобилизации. Я показал повесть двум писателям. Один из них повесть похвалил (это был Константин Симонов), но он посоветовал ее уничтожить, если я хотел уцелеть. Узнав, какому второму писателю я ее показал, он посоветовал немедленно забрать у него рукопись и уничтожить все написанное мною. Мне повезло — я успел забрать рукопись у этого писателя под каким-то предлогом. Но он успел с десяток страниц просмотреть. На другой день ко мне явились с обыском, но ничего не нашли. Это была моя первая и последняя попытка напечатать мои сочинения в России. После этого наступила 30-летняя литературная «пауза».

— Вы обратились к литературе. Означало ли это, что ваш эксперимент закончился?

— Нет, конечно. Я получил жестокий урок в логике. Но у меня еще оставалась литература и социология. Моя литературная деятельность в той форме, как я сказал о ней выше, была составной частью моего интеллектуального суверенного государства и моей формы поведения в советском обществе. Я только не придавал ей значения. Теперь этот «запасной» путь вышел на первый план. Что касается социологических исследований, то к этому времени я в них продвинулся довольно далеко, построив формализованную теорию коммунистического общества по всем логическим канонам научной теории. Но я решил ее законсервировать. На опыте работы в логике я убедился, что в одиночку пробиться невозможно. Чем серьезнее твои достижения, тем враждебнее к тебе отношение профессиональной среды. А если у тебя нет защиты в виде учеников и последователей, если у тебя нет заинтересованного в тебе общества и государства, то ты обречен на замалчивание, хотя все твои результаты и идеи будут разворованы. С моей социологической теорией произошло бы то же самое, что с логической концепцией. В логике у меня была хотя бы широкая известность. А в социологии — ничего. В этом отношении для меня стало очевидно, что человек-государство никогда и нигде не будет проявлен и признан публично в его фактических масштабах. И я решил использовать свои социологические идеи в литературе. Думаю, что благодаря этому я создал особую форму литературных произведений, а именно социологический роман и социологическую повесть. Мне пришлось потом публиковать и социологические работы. Но в них я ограничивался лишь уровнем общих идей, доступных для понимания широким кругам читателей. Я был подвергнут остракизму у себя на родине и был изгнан из нее. Обычно обвиняют в этом высшие власти — ЦК КПСС и КГБ. Не буду отрицать, что они сыграли тут свою роль. Но главную роль все же сыграла та среда, в которой я жил и работал. Это окружавшие меня люди писали на меня доносы в ЦК и в КГБ. Это они создавали мне отрицательную репутацию. Это они прилагали усилия к тому, чтобы помешать обнаружению значительности того, что я делал. Одним словом, главный враг человека-государства — это среда, в которой он вынужден существовать. Власти же выполняют лишь ее волю. Оказавшись на Западе, я опубликовал большое число литературных произведений, социологических эссе и публицистических статей. Думаю, что я имел успех. Поступить здесь со мной так, как в логике, было труднее. Круг людей, от которых тут зависела моя судьба, был шире. Тут многое зависело от читателей и от спроса на мою продукцию. Тем не менее в кругах людей, профессионально занятых в литературе и социологии, я встретил то же отношение, что и в логике, а именно вражду и стремление ослабить эффект от моих работ, замалчивать их и мешать их появлению вообще. Тут действовал общий социальный закон: чем значительнее дело, делаемое человеком-государством (одиночкой), тем сильнее стремление среды уничтожить его.

— А можно ли сейчас говорить об окончании вашего эксперимента?

— Такой человек-государство, каким я пытался сделать себя, возможен. Но он возможен только в условиях общества коммунистического и как особая защитная реакция от его недостатков. В западном обществе такой человек в принципе невозможен, в чем я убедился на своем опыте жизни на Западе. Такой человек возможен лишь в очень ограниченной сфере, а именно — если результаты его деятельности не выходят за рамки какого-то среднего уровня и не вызывают зависти и злобы среды, то есть друзей и коллег. Жизнь такого человека с необходимостью превращается в борьбу со средой. Выдержать ее может далеко не всякий. Тут возникает глубокое противоречие. Человек может стать суверенным государством лишь при том условии, что ощущает в себе способность делать какое-то значительное дело и добивается значительных результатов в этом деле. Но именно это и оказывается главным препятствием на пути к позиции человека как суверенного государства. Это противоречие обрекает его на душевные страдания, на полное одиночество и в конечном счете на гибель. В моей книге «Нашей юности полет» есть такой рассказ. Умирает человек, родившийся в годы революции и переживший все трудности истории страны. У постели умирающего возникает спор между Богом и Дьяволом на тему: согласится умирающий повторить прожитую жизнь или нет. Бог агитирует за повторение и старается пробудить в памяти человека то хорошее, что было в его жизни. Дьявол же, наоборот, старается напомнить человеку о плохом. Просмотрев в памяти свою жизнь и взвесив все «за» и все «против», человек принял решение не повторять жизнь. В этом рассказе я выразил мои собственные умонастроения. Если бы мне сейчас всесильный Бог предложил пережить мою жизнь снова, я и без подсказок дьявола категорически отказался бы от этого. Таков конечный результат моего жизненного эксперимента.

Беседу вел
Юрий ДАНИЛИН

МЮНХЕН, 16 ноября